

УДК 130

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Е. В. Василькова (Нижневартовск, Россия)

В эпоху глобальных мировых кризисов человек находится в критическом положении: бесконечная погоня за материальными ценностями с одной стороны и постоянный страх за свою хрупкую жизнь с другой стороны практически вытеснили проблемы, которые, казалось бы, должны быть всегда на первом плане: проблемы духовного поиска и существования личности в мире. В статье исследуются вопросы метафизического обоснования духовной составляющей нематериальной культуры и намечаются следующие пути выхода из сложившейся ситуации: во-первых, назрела необходимость принять наличие таких метафизических оснований личности, как дух и душа; во-вторых, поскольку система мировоззрения, лишённая метафизической основы, уже давно показала свою ограниченность и несостоятельность, признание метафизической стороны бытия человека может отклонить человечество от стремления достичь только материальных благ, уберечь от психических расстройств, суицида, криминала, безнравственного и бесцельного существования. Подчеркивается, что именно в культуре проявляется отношение человека к вечному; культуротворчество открывает в человеке его Абсолют, его бесконечность и трансценденцию, его неисчерпаемый творческий потенциал. Человек, занимаясь творением и создавая среду, не просто воссоздает, он превосходит самого себя.

Ключевые слова: метафизика, дух, духовность, культура.

Традиционно культуру принято делить на материальную и нематериальную. И если с описанием материальной культуры не возникает проблем, то со второй все достаточно неопределенно. Сейчас никто не отрицает тот факт, что вопрос о духовных основаниях культуры является чрезвычайно важным, хотя сторонники деятельностного подхода к изучению культуры тяготеют к предметно-педагогической специфике материальной культуры. Но идея о том, насколько важна реконструкция мыслительного мира, жизни духа, логи-

ческих и ценностных норм, способствующих созданию материального мира, в настоящее время волнует многих. Человек в эпоху глобальных мировых кризисов, экологических катастроф, неугасающих локальных войн, постоянных угроз террористических нападений, ощущает себя все более уязвимым и слабым не в материальном смысле утекающей от него жизни; он находится в растерянности, возникающей от того, что духовная составляющая его существования неуловима и неподвластна структурному анализу и определению.

Василькова Елена Васильевна – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, Нижневартовский экономико-правовой институт (филиал) Тюменского государственного университета.

E-mail: evstraw@yandex.ru

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать сложившуюся ситуацию в этом направлении и наметить некоторые пути выхода из нее для отдельного человека, ставшего на путь духовного познания и совершенствования.

Несмотря на то, что определений термина «культура» существует великое множество, ни один из исследователей не нашел единственно верной для всех измерений культуры дефиниции. В. К. Суханцева считает, что в науке нет даже условных определений культуры и человека: «...бесконечно изучая следы и последствия, мы по-прежнему находимся в парсеках от сущности, ради которой собрались (или нас собрали). <...> за пост- и постпостмодернистскими интенциями культурного самосознания стоит и никуда не девается метафизика культуры, ее трансценденция...» [5, с. 7]. В теории от нее можно отойти. А в реальной жизни? Когда речь идет о живых людях, о трагически погибающих в терактах или катастрофах, либо умирающих от неизлечимых болезней? В реальной жизни каждый человек неизбежно сталкивается с двумя реальностями – реальностью повседневной жизни и реальностью смерти. Вернее, речь идет об отношении к этим двум реальностям бытия. И если отношение людей к смерти широко отражено в философии, литературе и т. д., то отношение к жизни как таковой в ее повседневности очень неустойчиво, размыто. Реальности жизни и смерти парадоксально едины «хотя бы потому, что смерть является единственным выходом из обыденности», причем «координаты посмертного бытия каждый определяет для себя сам...» и «шкала совести есть на самом деле шкала отношения к смерти» [5, с. 8]. И эта самая шкала отношения к смерти переместилась на нулевую отметку: смерть стала обыденностью, «она перестала быть трагедией

социума». Смерть – трагедия отдельной личности, она находится в «экзистенциальных глубинах личности», там, где должна находиться культура. Но в этих же глубинах находится и обыденность, которая «размывает культурную форму и превращает время в сплошность», которая прерывается всего лишь раз. В. К. Суханцева справедливо указывает, что все сегодняшние постмодернистские всплески по поводу единения текстов, стилей, жанров, предполагающие наличие иронии в отношении как к жизни, так и смерти, конечно, дают свой результат, поскольку ирония кажется нам спасительной; но «в эпицентре культуры <...> места иронии нет, поскольку там находится трагедия» [5, с. 12]. В мире-тексте трагическое не предусматривается. Еще Н. Бердяев справедливо считал, что «...философские направления нужно делить по их отношению к трагедии. Всякая философия, которая исходит из трагедии и считается с ней, неизбежно трансцендентна и метафизична, всякая же философия, игнорирующая трагедию и не понимающая ее, неизбежно позитивна, хотя бы и называла себя идеализмом...» [цит. по: 5, с. 12]. Поскольку повседневность и смерть в наше время очень тесно связаны, то «само нахождение в обыденности как единственно наличествующей реальности трагично как таковое» [5, с. 13]. Причем в повседневности трагичность людьми не рефлексруется, рефлексия происходит только тогда, когда человек оказывается лицом к лицу со смертью. И снова слова Н. Бердяева: «Все наше философское и моральное мирозерцание должно быть перестроено так, чтобы в центре был вопрос об индивидуальной человеческой судьбе <...> Давно уже пора нам встать на точку зрения трансцендентного индивидуализма, единственной философии трагедии, а не обыден-

ности, и переоценить согласно с этим все моральные ценности» [цит. по: 5].

В философии трагедии находится метафизика культуры. Метафизические основания культуры базируются на метафизических основаниях личности. Так же, как и личность, культура единична и уникальна. По словам В. К. Суханцевой, культуру можно классифицировать, периодизировать, выводить типологические черты и т. д., но в ее основании есть нечто единичное и единственное. Отсюда возникает вопрос: что же такое единственное нечто наличествует в основании культуры? Здесь, перефразируя автора, скажем, что существо, «отягощенное культурой» – это существо, отягощенное духом. Поэтому такие понятия, как «дух», «метафизика» и «трагедия» составляют категории, без которых культура просто не может существовать. Анализируя словарные определения понятия «дух», автор не удовлетворяется ни одним из них и дает собственное определение, приводимое нами ниже. Дух, считает она, это «энтелехийное основание человеческого существования, обуславливающее восхождение органической жизни к историческому бытию. В координатах социальной истории он может объективировать себя только в виде культуры». Но: «дефинитивная неуловимость духа и культуры обусловлена их целостностью, которая при малейшей попытке структуризации моментально утрачивает сущность». Анализируя исследования философов разных времен и направлений, изучавших духовную составляющую личности, автор приходит к выводу о том, что человеческий дух постоянно находится на грани обыденности и смысла жизни; последнее определяет пространство культуры.

В результате того, что культура все время присутствует в обыденности и в то же время противостоит ей, возникает так называемая «предметность культуры» и одновре-

менно происходит становление культуры, «где временная стрела <...> «отягощена» пространством, в котором имеет быть культура» [5, с. 23]. Отсюда следует вывод о том, что культура не сводится к предметно-деятельностной определенности, поэтому дух и культура относятся к метафизическому пространству познания. Этому же мнению придерживается Д. К. Бурлака в книге «Метафизика культуры». По его словам, высшей ступенью роста культуры является развитие духовной составляющей. Дух – явление сверхвременное, по сути, вечное. «Дух соединяет время душевной жизни с вечностью идеального порядка бытия – структурирует динамику времени и оживляет структурность идеально-сущего» [1, с. 73]. В полном смысле слова культура, считает Д. К. Бурлака, – свершившаяся энергия духовно-душевной жизни. Каковы же смыслообразующие составляющие духа? Материей для культурно-исторического творчества является душевная стихия, благодаря которой творится человечность. В этом процессе появляется так называемое виртуальное тело культуры. «В культуре человек творит своих “ангелов”» [1, с. 74]. Творческие произведения продолжают и после кончины своих творцов овладевать душами живущих, образуя пространство культуры. Именно в этом пространстве человек встречается с другим человеком как личность с личностью (тогда как в физическом пространстве мы сталкиваемся друг с другом порой как атомы и взаимодействуем как животные). Здесь проявляется двойственность культуры. «С одной стороны, она пребывает вне времени и пространства, в ней Пушкин “весь не умер”, но, с другой стороны, она находится внутри времени, если понимать под таковым не космическое время, а историю. Социальная история сама по себе является экзистенциально “плоской”, форми-

руясь линиями пересекающих друг друга событий. Культура создает объемность плоскости исторического существования людей. Однако пространство культуры внутриисторично, поэтому судьба его связана с судьбой всего созданного в истории» [1, с. 74].

Если рассматривать душу человека как триединство чувства, ума и воли, то их проекция видна в культуре. Согласно автору, душевно-духовную жизнь человека представляет искусство, воля выражается в социальной сфере, а рассудок и разум – в научно-технической. В отношении ко времени душа представляет собой снова триединство, но уже памяти, созерцания (или переживания) и намерения. Как уже отмечалось, важной онтической функцией культуры является то, что культура – память истории. Ведь после того, как события проходят, после них остаются смыслы и значения, составляющие суть культуры. «Культура, можно сказать, держит историю в сущем. Без культуры история была бы бегом из небытия в небытие <...> культура – надвременное сущее, сотворенное человеком» [1, с. 75].

Выдающийся ученый Ю. С. Владимиров также утверждает о существовании метафизического принципа тринитарности, господствующего повсюду. Будучи физиком, он пришел к выводу о том, что в настоящее время ключевыми проблемами физики стали проблемы, которые волновали философов и богословов на протяжении двух с половиной тысяч лет. «Физика вскрыла чрезвычайно важные принципы, некоторые из которых сквозным образом пронизывают все сферы бытия от элементарных частиц до духовной жизни человека» [2, с. 51]. На страницах первой книги «Между физикой и метафизикой» автор размышляет о философах древности и более позднего времени, указывая на тот факт, что для античных мыслителей и есте-

ствоиспытателей средневековья метафизика была системой представлений об основах бытия, о первичных понятиях и закономерностях мироздания. Данные представления толковались в рамках господствующих в то время философско-религиозных учений. И. Кант считал метафизику «чистым философским познанием», утверждая, что принципы метафизики не берутся из опыта, поскольку она является познанием вне опыта. Для В. Джеймса метафизика – стремление мыслить «ясным образом». Б. Рассел утверждал, что метафизика – это попытка охватить мир как нечто целое с помощью мышления. Для М. Борна метафизика – исследование общей структуры мироздания и наших методов проникновения в эту структуру. Анализируя работы русских философов «серебряного века», Ю. С. Владимиров отмечает, что в них намечены основные направления для изучения закономерностей, которые можно обнаружить при изучении физической картины мира, в сферах культуры и социальной сфере.

В основе многих древних мифов лежат так называемые универсальные семантические оппозиции (например, мужское – женское, хорошее – плохое, жизнь – смерть, добро – зло, день – ночь, и т. д.). Конфликты, возникающие в таких бинарных оппозициях, разрешались либо безусловной победой одной из сторон, либо происходило возникновение так называемого медиатора-посредника – третьей стороны, которая должна была гармонизировать конфликтные отношения. Подавляющее количество мифов прошлого (отражающих теогонические, космогонические и антропологические представления) строились на структурах, получивших название тринитарных. Это было отражением метафизического принципа троичности (триединства). Автор приводит множество примеров мифов разных народов и анализирует этот принцип,

проявляющийся в них. Кроме того, примерами также служат философия Платона, Аристотеля, христианство с догматом Святой Троицы. Все эти примеры достаточно весомо свидетельствуют о том, что еще в давние времена в нашем мире были замечены принципы тринитарности. Более поздние философско-религиозные учения опираются на три метафизических начала: идеальное (или рациональное) начало, связанное с разумом; материальное начало, т. е. бытие, данное в ощущениях; и духовное начало, связанное с человеческой волей и верой.

Ю. С. Владимиров представляет мироздание в виде куба: здесь первоначало (Бог) рассматривается как сам куб, а упомянутые выше три начала сопоставимы с тремя осями: разум соответствует идеальному началу, душа – духовному, а тело – материальному.

Делается очень важный вывод о том, что посредством лишь одного из начал невозможно охватить всю действительность в ее многообразии. «В физике рубежа второго и третьего тысячелетий постепенно осознается ограниченность возможностей каждого из трех <...> физических миропониманий: теоретико-полевого, геометрического и реляционного, и все чаще возникают призывы к поиску принципиально новой одной теории, которая фактически будет соответствовать монистической метафизической парадигме» [2, с. 215]. Автор подчеркивает, что в трудах русских философов «Серебряного века» содержался призыв к решению аналогичной задачи в рамках философско-религиозных систем, указывалась ограниченность каждого из мировоззрений и отстаивалась необходимость построения триединой философской системы. В. С. Соловьев, отец Сергей Булгаков и другие русские философы считали необходимым построение системы единого знания, основанного на синтезе науки, философии и рели-

гии. Назрела необходимость осознания того, что законы метафизики являются универсальными, «и можно только пытаться их изказать, возводя искусственные трудности» [2, с. 215]. А ведь в метафизическом основании, по словам В. К. Суханцевой, есть та трагическая сущность духа, которая и называется культурой. «За осязаемостью вещей, за телесностью и плотностью мира, таится разгадка тайны. Эта тайна пронизывает и определяет все проявления человеческого, в первую очередь культуру. Поэтому все попытки систематизировать и структурировать культуру приводили и приводят к тому, что “распавшаяся на фрагменты реальность культуры уходит из-под скальпеля и вновь не подлежит объяснению”» [5, с. 26].

Каковы же все-таки самые общие основания культуры? Идея так называемого прогрессивного развития абсолютно чужда культуре, т. как она является областью, где не может быть увеличения и нарастания. Специфика «измерения» культуры проясняется только на фоне исторического развития человека и ее внутренней диалектики. Если все человечество как род неиссякаемо, то жизнь отдельной личности, ощущающей ужас биологического ухода, должна поддерживаться определенными опорами. Такими опорами служат культура и память. В. К. Суханцева выводит следующие основания культуры. Во-первых, это память как родовое качество человека. Во-вторых, историческое инобытие, в котором пребывает родовая память; последняя неотделима от трансценденции, органически присущей человеку и вырывающей его из биологически-природного становления. В-третьих, трансценденция вечно мира, или смыслоценностная сторона всеобщей связи вещей. У этого основания находится фундаментальная связь культуры и языка. Язык «аккумулирует в себе смыслоценность и ра-

финирует в культуре ее собственную сущность» [5, с. 31]. Любое слово как «имя» вещи – это универсалия, «ограничивающая в сознании выступание вещи из сплошности». Любые грамматические конструкции выступают как реликты, в недрах которых «хранятся следы бурного горообразования словесных пород, когда древний Логос, еще не остывший, еще вулканически подвижный, пробирав себе русло в праязыках, чтобы в последствии воплотиться в системе этих самых универсалий» [5, с. 31]. Культура в итоге являет собой пространство всеобщего Логоса, или метаязыка, который «смыкает самостоятельные языковые сущности в единую смыслообразовательность» [5, с. 31]. В культуре вещь трансцендирует в слово. А словесная трансценденция вещи – это ее символическое инобытие. Ясно, что культура вбирает в свое историческое пространство не вещи, а их смыслы с помощью символов, в том числе слов. Но вопрос в другом: каково соотношение символа и смысла как носителей «хромосомного кода» культуры? Здесь определяется четвертое основание культуры – диалектика символа и смысла, когда язык выступает местом встречи трансцендирующей вещи и экзистирующего человека. «Культура и человек взаимно порождали друг друга. Культура выступила из пучин до- и праистории тогда, когда человек, обладающий бытием как наличием, это наличествующее обладание осознал. Парадигмы сознания отлились в мифе и Логосе; хаос обретал имена; имя центрировало память и неминуемо перетекало в символ. Наступала культура, сквозь которую то, дорожное, смутное и сплошное бытие уже не различалось. Слившись с бытием, культура привнесла в него качественно иные сущности: трансценденцию и дух, эсхатологическую проблематику, полифонию времени – все то, что, не имея субстанциональных оснований,

фундаментально присутствует в реальности и определяет жизнь сознания» [5, с. 42].

В своей культуросозидающей деятельности человек образует мир намного больший, чем он сам. Человек создает среду своего обитания и в изменении этой среды творит человечность (по словам Д. К. Бурлаки), зачастую без четкой рефлексии своих планов. Человек является не только носителем идеи, но и ее разрушителем, но главное, творцом. Человек, создавая феномены культуры, не погибает в этой трансценденности, а наоборот, только благодаря ей, осуществляет свою человечность. Культура – самобытная реальность, тесно связанная с историей, обществом, но по существу своему очень отличается от них. По мнению автора, истории в полном смысле слова «бытия» нет, она создается в некоем отрезке времени, в «просвете» между бытием и ничто. Человеческие сообщества и даже цивилизации исчезают, и только порожденные ими ценности и смыслы продолжают свою жизнь в новых поколениях и условиях. Культура, таким образом – это память истории. Помимо этого, культура – система «внутренне активных энергий», творчество, постоянно поддерживающее жизнь всего того, что было создано на протяжении истории человечества. В культурной памяти истории остаются только те деяния, которые являлись и являются смыслозначимыми. А смыслы могут быть совершенно разными, они могут носить как истинный характер вечных ценностей, так и огромное количество ошибок и заблуждений. «Человек не властен над бытием и небытием созданных им идей и вещей, он не может ни предвидеть, ни предопределить, ни промышлять об их судьбе. Вещи, которые он создал, человек иногда может делать своей собственностью или уничтожать. Но над идеями, которые выпущены в свободное плавание, – а культура и есть совокуп-

ность таковых, – человек уже не властен. Ему остается лишь мечтать, но не дано предугадать, как его слово отзовется» [1, с. 57].

Интересно сравнение развития культуры с ростом живых организмов. Д. К. Бурлака считает, что в процессе своего становления над природно-космическим бытием, культура повторяет развитие растительных и животных организмов: из первичной, так называемой «клетки», либо при взаимодействии материнской (природной) и отцовской (разумно-волевой) «клеток» постепенно развивается определенная целостность. То есть, скрыто существующая в зародыше первой «клетки» (или, по словам автора, находясь на нулевом уровне), культура постепенно развивается до самостоятельных отдельных форм духовной жизни (коиными, по определению автора, являются наука и техника, государство и право, искусство и философия). Но, «при этом не всякая цивилизация дорастает до философии или развитого правового сознания, возвышающегося над стихией экономической и политико-государственной жизни» [1, с. 59]. Многие цивилизации так и остаются на нижнем уровне роста культурного организма – на уровне, представляющем комплекс связей человека только с природно-космическим бытием. Первичным же отношением человека к природе является техника, являющаяся совокупностью орудий, с помощью которых человек воздействует на природу, подчиняет ее себе («культивирует») и умеет («техн») возделывать.

Отношение к вечности неискоренимо из содержания человеческой жизни (хотя не всегда проявляется сознательно). Культура генетически выстраивается как сознание человека вне времени. Отношение к вечному определяет переживание времени. Метафизическое знание погружает нас в поток становления. Абсолют сам вовлекается в этот процесс и оказывается подверженным развитию и становлению. Человек становится центральным моментом этого развития, приобретающим абсолютное значение личности. Абсолют (Первоначало, Бог) всегда мыслится трансцендентным миру и человеку, но человек всегда находится в непостижимой связи с ним (метафизика поэтому и считается некоторыми исследователями осмысленной и рационализированной религиозностью). Человек признается существом незамкнутым, бесконечным, абсолютным, открытым в своей трансцендентной сущности, обладающим неисчерпаемым творческим потенциалом. Поэтому и культуротворчество есть трансценденция. Человек, создавая среду, в которой живет, не просто репродуцирует, он превосходит самого себя.

Таким образом, культура – это не только память, история, язык и ценности народа. Культура имеет духовную составляющую, выражающуюся в смыслах, выпущенных человеком в свободное плавание. Поэтому за все, что происходит с человеком и обществом, отвечает сам человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бурлака Д. К.** Метафизика культуры. – 3-е изд. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2009. – 352 с.
2. **Владимиров Ю. С.** Между физикой и метафизикой. Кн. 1: Диамату вопреки. – М.: Либрокон, 2010. – 280 с.
3. **Захаров В. Д.** Метафизический образ мира // Метафизика. – № 1. – 2012. – С. 15–38.
4. **Зенин С. В.** Мироззрение, новая парадигма, открытие духа материи // Метафизика. – № 2. – 2012. – С. 140–155.
5. **Суханцева В. К.** Метафизика культуры. – К.: Факт, 2006. – 368 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1404.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1404.03)

Vasilkova Elena Vasilyevna, Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication, Nizhnevartovsk Institute of Economics and Law (branch) of Tyumen State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation.

E-mail: evstraw@yandex.ru

SPIRITUAL BASIS OF CULTURE

Abstract

In the epoch of the global crisis the man's state of affairs is critical. The aim to pursue material benefits and fear for the fragile life have almost ousted the problems which must come first – those of spiritual search and the man's existence. The article deals with the issues of spiritual basis of culture. There have been indicated some ways out of this critical situation. Firstly, it is crucial to accept the idea of metaphysical basis in the man's life such as spirit and soul. Secondly, the very recognition of metaphysical foundation of the man's existence can protect people from psychological disorder, suicide, crime, immoral and aimless life. The author emphasizes that it is the culture which identifies the man's attitude to eternity. Cultural creativity demonstrates the man's absolute, infinity, and transcendency, the man's inexhaustible cultural potential. People who create the environment do not just reconstruct the world, they excel themselves.

Keywords

metaphysics, spirit, spirituality, culture

REFERENCES

1. Burlaka D. K. *Metaphysics of culture*. 3rd edition. St.-Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2009. 352 p. (In Russian)
2. Vladimirov Y. S. *Between physics and metaphysics*. Book 1: Contrary to dialectical materialism. Moscow: Librokon Publ., 2010. 280 p. (In Russian)
3. Zaharov V. D. Metaphysical worldview. *Metaphysics*. no. 1, 2012, pp. 15–38. (In Russian)
4. Zenin S. V. Worldview, new paradigm, discovery of material spirit. *Metaphysics*. no. 2, 2012, pp. 140–155. (In Russian)
5. Sukhantseva V. K. *Metaphysics of culture*. Kiev: Fakt Publ., 2006. 368 p. (In Russian)